

УДК 930.1(091)(045)

*Т.Н. Иванова, Г.П. Мягков***В ЦЕНТРЕ «РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ВНИМАНИЯ»: Е.Н. ЩЕПКИН И В.И. ГЕРЬЕ¹**

На широком историографическом и социокультурном фоне реконструируется научная биография Е.Н. Щепкина. Особое внимание уделяется творчеству ученого в контексте становления и развития «школы Герье», системе взаимоотношений учитель – ученик.

Ключевые слова: Е.Н. Щепкин, В.И. Герье, «школа В.И. Герье», Московский университет, Новороссийский университет, научное наследие.

Процесс возвращения «забытых» имен российских ученых-обществоведов, чьи труды и деятельность в советской историографии по идеологическим причинам замалчивались, квалифицировались как реакционные или идеологически вредные, находится в завершающей фазе. Начавшийся в начале 1990-х гг. процесс этот не был равномерным и поступательным и определялся первоочередными задачами, ставившимися общественным развитием на конкретном отрезке времени. Так, со значительным «опозданием» вновь открывается и переосмысливается творчество выдающегося российского историка В.И. Герье (1837–1919) [4; 5; 9], которое оказалось актуализированным в последние годы не только в силу общественно-политических обстоятельств (в общественном сознании «мода» на консерватизм потеснила «моду» на либерализм, утверждается новый взгляд на антиномию «революция – реформа» и др.), но и в силу логики развития самой науки: обновленная на путях антропологического поворота историография стала искать ответы на вопрос о причинах столь впечатляющих достижений исторической мысли в России начала XX в. Последнее связывается с формированием и деятельностью научных школ, в числе которых особое место занимала школа В.И. Герье.

Закономерным стало стремление историографов обратиться к изучению творчества учеников В.И. Герье. В их числе оказался Евгений Николаевич Щепкин (1860–1920). «Незаслуженно изъятый из большой историографии, – пишет Т.Н. Попова, – Е.Н. Щепкин требует к себе “реабилитационного” внимания, ибо его наследие – весомый вклад в национальную историческую науку» [9. С. 458]. Задача данной статьи² – внести посильный вклад в указанный «реабилитационный» процесс путем реконструкции взаимоотношений, сложившихся между учителем и учеником, что позволит пролить свет и на механизм «школения», обеспечивавший жизнь школы В.И. Герье, ее особую роль в истории исторической науки России.

Д.А. Цыганков называет Щепкина «одним из самых близких учеников Герье» [11. С. 223]. Спорная, с научной точки зрения, эта характеристика может быть признана точной в обыденном смысле: учитель и ученик находились в родственно-свойственных отношениях. Отец Евгения – Николай, был сыном известного артиста М.С. Щепкина, а мать Александра Владимировна – родной сестрой писателя Николая Станкевича (1813–1840) и литературного критика Александра Станкевича (1820–1911). На племяннице последнего Евдокии Ивановне был женат В.И. Герье. В студенческом письме из деревни, датированном 14 июля 1882 г., Евгений, рассказывая своему университетскому наставнику о работе над рефератом, просит Герье передать от него привет «дяде и тете», то есть Е.К. и А.В. Станкевичам [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 3]. Супруги Герье ездили в гости к Щепкиным в имение Никольское-Тимонино, переписывались с родителями Евгения [1. К. 57. Ед. хр. 14].

До поступления в университет Евгений учился в лютеранской школе Петра и Павла, которую в свое время закончил Герье. Профессор оказывал Щепкину поддержку в студенческие годы. Так, он подыскал ему хорошо оплачиваемые летние уроки с детьми помещика Стрижевского [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 1–3], помог получить «денежный» заказ на перевод книги И. Тэна [10]. Однако подобная забота

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, в рамках проекта № 10-01-00403а «Идеи и люди: интеллектуальная жизнь Европы в Новое время».

² Тема статьи была сформулирована в связи с проведенными историческим факультетом Одесского национального университета им. И.И. Мечникова в мае 2010 г. IV «Историографическими чтениями», приуроченными к 150-й годовщине со дня рождения историка, который был профессором кафедры общей истории Новороссийского университета.

о своих учениках не была для Герье чем-то исключительным и вряд ли являлась только отражением родственных чувств.

Избранные ученики Герье занимались под его руководством не только в университетской аудитории, но и в вечернем семинаре в доме профессора. Однако сведений об участии Е.Н. Щепкина в работе этого семинара нами не обнаружено. Единственное упоминание о научных занятиях в годы студенчества – это письмо Щепкина к Герье, в котором он рассказывает о подготовке им реферата по эпохе Столетней войны: «По указанию П.Г. Виноградова, – пишет он, – придется ограничиться главным образом генеральными штатами 1357–58 гг. (по Фруассару)» [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 2об.]. Известно, что свое кандидатское сочинение Щепкин посвятил критике источников по французской истории XVI в. [12. С. 470].

Студента Щепкина больше привлекала внеаудиторная студенческая жизнь. Уже на втором курсе он стал старостой и, по его собственным словам, «примыкал к конституционному течению среди профессуры, возглавлявшемуся проректором А. Муромцевым, проф. М. Ковалевским, ректором Тихоновым и др. В декабре 1880 г. был арестован со всей сходкой, собранной студентом П.Н. Милюковым»³. Такое увлечение студента политикой вряд ли нравилось его университетскому наставнику.

Своих учеников Герье стремился по окончании курса оставить при университете для подготовки к профессорскому званию. Относительно Щепкина свидетельства расходятся. По утверждению К.П. Добролюбского, «по окончании в 1883 г. университета, Е.Н. был оставлен на частную стипендию для подготовки к профессорской деятельности по кафедре всеобщей истории» [3. С. 8]. Однако И.В. Максименко и Т.Н. Попова полагают иное: «Окончив Московский университет со степенью кандидата, Евг. Ник. не сразу был оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре всеобщей истории, а еще в течение шести лет проработал учителем истории в средних учебных заведениях Москвы» [6. С. 21]. Подтверждением последнего служит тот факт, что с 3 октября 1883 г. по 1884 г. Щепкин как вольноопределяющийся на военной службе был приписан к отбыванию воинской обязанности к 4-му призывному участку г. Москвы, а с 1 января 1886 г. служил по ведомству Министерства народного просвещения, преподавал в Московской частной женской гимназии, учрежденной З.Д. Перепелкиной, и в высших классах Московской консерватории [6. С. 10].

Не сохранилось сведений о характере контактов Герье и Щепкина в эти годы, переписка между ними прерывается. Но в письме, написанном в 1902 г., Щепкин пишет Владимиру Ивановичу: «Я полагаю, что не утратил права обращаться к Вам с просьбами. Конечно, во время жизни в Москве мне, вероятно, случалось идти против Ваших желаний или взглядов, но это бывало, в таком случае, всегда чисто принципиальным разномыслием или проявлением индивидуальности. Я могу вполне искренне сказать, что о Вашем научном авторитете в области истории я никогда не отзывался иначе, как с полным уважением» [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 10об.]. Это глухое упоминание о разногласиях может касаться участия Щепкина в студенческом движении, которое вряд ли одобрялось Герье. Возможно, из-за этого Щепкин не был сразу оставлен при университете. Причиной здесь могла стать и конкуренция среди учеников Герье: в 1880 г. при университете был оставлен М.С. Корелин, с 1885 г. к магистерскому экзамену стал готовиться Р.Ю. Вишпер. Обращает на себя внимание и тот факт, что в студенческие годы Щепкин, в отличие от других учеников Герье, не получал медали за конкурсные сочинения, что, как правило, являлось показателем устремленности студента к научным занятиям. После окончания университета за пять лет Щепкин опубликовал всего две работы: перевод книги И. Тэна и небольшую статью для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона [10; 15].

Тем не менее, в конце 80-х гг. Евгений Николаевич начинает активную подготовку к магистерскому экзамену. 10 апреля 1891 г. он успешно сдал экзамен по средним векам профессорам В.И. Герье, В.О. Ключевскому и приват-доценту М.С. Корелину; 16 октября 1891 г. его «удовлетворительные знания» по древней истории подтвердили профессора В.И. Герье и П.Г. Виноградов; 30 октября 1891 г. Щепкин сдал экзамен по политической экономии профессорам А.И. Чупрову и П.Г. Виноградову. Завершился магистерский экзамен 4 декабря 1891 г. испытанием по русской истории, которое принимали В.О. Ключевский и П.Г. Виноградов. В тот же день Е.Н. Щепкин получил свидетельство «о признании выдержавшим испытания» на степень магистра всеобщей истории [6. С. 10, 11.]. Затем Щепкин прочитал две пробные лекции в Московском университете: «Афинские партии в эпоху Македонского завоевания» – по предложению факультета и «Иерусалимские ассизы» – по собственному

³ Цит. по: [3. С. 7].

выбору [16; 18]. 2 июня 1892 г. он был зачислен приват-доцентом историко-филологического факультета Московского университета. Позже Щепкин в письме к Герье вспоминал о «близких отношениях между нами» [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 10].

Через год Герье добивается для Щепкина заграничной командировки на летнее вакационное время с 29 мая по август 1893 г. Формально целью ее являлось знакомство с преподаванием истории в зарубежных университетах и сбор материала для магистерской диссертации. В это время Е.Н. Щепкин знакомится с вышедшими в 1890 г. завершающими 53 и 54 томами полного собрания сочинений Леопольда фон Ранке. Он готовит и публикует объемный реферат содержащейся в этих томах автобиографии Ранке [13], который обнаруживает вкус молодого ученого к историографическим и методологическим проблемам исторической науки. Значение автобиографического труда Ранке Щепкин видит в том – и это очень показательно – что его материалы дают «полный ответ» на вопросы, как, в какой среде Ранке удалось создать свою научную школу – «крупное, подавляющее явление в культурной истории XIX в.», позволяют проследить, «в какие связи» она вступила «с другими научными историческими силами – политическими и научными» [13. Кн. 8. С. 151].

С 10 марта 1894 г. Щепкин был командирован Министерством народного просвещения за границу на два года с получением пособия в размере 1500 руб. в год. По истечении этого срока он ходатайствовал о продолжении заграничной научной командировки до 1 мая 1897 г., но уже без содержания. Щепкин отправился за рубеж не имея четко сформулированной темы, для изучения «вопроса об иноземных влияниях на русскую историю» [3. С. 8]. Необычным был выбор страны, в которой проходила его научная командировка, – Дании. С октября 1894 г. по январь 1896 г. Щепкин работал в архиве Датского министерства иностранных дел и Королевском государственном архиве в Копенгагене, где изучил донесения датских посланников из России за 1739–1777 гг. и донесения из Польши времен первого раздела [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 11]. Эти документы давали возможность с новой стороны посмотреть на дипломатическую историю Семилетней войны. Но одновременно Щепкин увлекается изучением древнескандинавских памятников, что привело к появлению целого ряда его работ по истории русско-варяжских отношений [26; 21; 17]. Еще одним сюжетом, захватившим молодого ученого, стал поиск решения загадки о личности Лжедмитрия I. В Копенгагенском архиве им были обнаружены неизвестные прежде в России материалы по истории Лжедмитрия. Позже он продолжает поиск документов по этой проблеме в австрийских и польских архивах, результатом этих изысканий стали книга о Лжедмитрии I на немецком языке и ряд статей [20; 14].

В январе 1896 г. Щепкин переезжает в Вену, где изучает донесения австрийских послов из России и инструкции им за 1744–1761 гг., хранящиеся в Придворном государственном архиве. В Венском военном архиве Щепкин изучил «все материалы по истории русских и союзных русско-австрийских военных действий за 1757–1761 года», касавшиеся походов Апраксина, Фермора, Салтыкова, Лаудона, Лассена, Тотлебена, Бутурлина, Дауна, Чернышева. Дипломатические материалы Венского государственного архива за 1746–55 гг., по словам Щепкина, до него «никогда не были изучены сплошь» [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 11об.]. Во время своих командировок Щепкин работал в архивах и библиотеках Германии, Нидерландов, Швеции, Польши, побывал в Англии и Италии. Ученый активно продолжал изучать постановку преподавания истории в учебных заведениях этих стран [22; 19; 23].

Возвратившись летом 1897 г. из заграничной командировки, Щепкин привез массу выписок из неизученных архивных документов. Однако окончательно тему магистерской диссертации он так и не сформулировал. В последующие три года (1897–1899.) он публикует три работы о Лжедмитрии I и три работы о Семилетней войне, не считая небольших статей по средневековью. Лишь в 1900 г. научными интересами Щепкина окончательно становятся проблемы Семилетней войны, и тогда – с 1901 г. – возобновляется научная переписка Щепкина с Герье.

С сентября 1897 г. Щепкин занял должность экстраординарного профессора по кафедре всеобщей истории в Нежинском историко-филологическом институте. Немаловажную роль в сделанном выборе сыграли привлекательные материальные условия: «вознаграждение за исправляющего должность экстраординарного профессора – 2 тыс. или 1800 и квартира с отоплением» – пишет Щепкин Герье [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 6]. Молодой ученый ведет общие курсы, семинарий и специальный курс по средневековой и новой истории. Однако в сентябре 1898 г. при первой возможности он с радостью переходит экстраординарным профессором по кафедре всеобщей истории в Новороссийский университет в Одессе. В письме к Герье он поясняет, что «в сущности для научных занятий это будет луч-

ше», ибо в Нежине «для добросовестного человека страшно много чисто педагогического дела в связи с институтом» [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 7об – 8].

Переходя в Одессу, Щепкин просит Герье рекомендовать на его место в Нежине достойного кандидата. Таковым оказывается еще один ученик Герье – П.Н. Ардашев. Щепкин протезирует Ардашеву, но на выборах побеждает ставленник «киевлян» В.К. Пискорский [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 7–7об.]. Тогда Щепкин способствует тому, что Ардашев становится его коллегой в Новороссийском университете. Ардашев в письме к Герье пишет, что он «...горячо признателен [Щепкину. – Т.И., Г.М.] за истинное товарищеское отношение, которое я встретил с его стороны, хотя и не был знаком с ним лично» [1. К. 36. Ед. хр. 48. Л. 17об.]. Обращает на себя внимание такой факт. Ещё будучи только заочно знакомым с Ардашевым, Щепкин откровенно пишет ему в октябре 1898 г. об обиде, связанной, на наш взгляд, с тем, что ему не нашлось вакансии в Московском университете: «Любезнейший коллега! Я за последние годы пострадал от Московского университета и не мог моим коллегам сообщить эти данные. Пишу все это Вам как Москвич Москвичу. “Москвич” для меня понятие не романтическое, а реальное. Все мы знаем, что получить степень в Москве магистранта или магистра совершенно не то, что те же имена в других университетах, в особенности по истории»⁴. После переезда Ардашева в Одессу знакомство молодых ученых переросло в сотрудничество: «Поселился я здесь, – пишет Ардашев Герье, – в той же квартире, где живут проф. Истрин и Щепкин, таким образом, составлялась маленькая колония москвичей или, что то же, Ваших учеников» [1. К. 36. Ед. хр. 48. Л. 3об.]. Щепкин помогает Ардашеву в начале его преподавательской деятельности и успокаивает, что подготовка диссертации здесь возможна: «Для занятий кабинетных я считаю здесь условия крайне благоприятными» [1. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 9]. В период своего пребывания в Новороссийском университете П.Н. Ардашев интенсивно работал над магистерской диссертацией «Провинциальная администрация во Франции в последнюю пору старого порядка», которую он представил в совет уже в 1900 г. и защитил в 1901 г.

Возможно, тесное общение с Ардашевым стало для Щепкина побудительным мотивом ускорить работу над диссертацией, ведь его младший коллега закончил университет на 6 лет позже, а к искомой степени магистра стоял значительно ближе. После годичного перерыва Щепкин возвращается к изучению Русско-Австрийского союза во время Семилетней войны и публикует отдельные главы своей диссертации [24], работу над которой он завершает в 1902 г. [25]. Формально Герье можно считать научным руководителем этой диссертации. Но какая-то упоминаемая Щепкиным обида помешала ему на самом ответственном этапе работы тесно общаться с учителем. Можно предположить, что и формулировка темы, и сам выбор ее (а не темы о Лжедмитрии I) произошли под влиянием Герье, но в общении с Щепкиным не было той тщательной проработки плана исследования, основных проблем, которые мы видим в переписке Герье со своими учениками Н.И. Кареевым, П.Г. Виноградовым, М.С. Корелиным, П.Н. Ардашевым и др. [8. С. 118–151]. Лишь с 1901 г., когда основные главы были уже написаны, судя по переписке, общение учителя и ученика возобновляется.

В диссертации Щепкина, написанной в жанре политической истории, в центре исследования стоят международные отношения. По тематике и хронологическим рамкам она приближается к магистерской диссертации самого Герье «Борьба за польский престол в 1733 году». Роднит обе работы и то, что они были написаны по данным неопубликованных архивных источников с применением методов исторической критики.

Своим методологическим принципом Щепкин объявил «психологическое истолкование исторической жизни», придающее важное значение «интенсивной разработке мотивов, направлявших деятельность лиц, групп и учреждений». «Деятелями политической истории являются не только живые личности, но и некоторые общественные механизмы с своеобразными системами целей, каковы государство, церковь, сословия, правительство, династия, правящий класс, политическая партия, система политики, международный союз, далее национальность, общечеловеческая идея и т.п.», – пишет ученый [25. С. III]. Психологическая точка зрения на деятельность государства приводит, по мнению Щепкина, к тому, что «теперь это не только исследование возвышенных поверхностей народной жизни, но и изучение взаимодействия между волей живых масс и целями некоторых социальных механизмов, выработанных волевыми актами предыдущих поколений». Ученый предлагал рассматривать государство как систему целей, «черпающую свою двигательную энергию в совпадающих актах

⁴ Цит. по: [6. С. 25].

воли подданных», но не забывать при этом об этико-религиозном, экономическом факторах и наличии «самобытной, неорганизованной еще воли у масс» [25. С. V].

Щепкин обращал внимание на то, что работы, посвященные не эпохам, а кратковременным историческим периодам, отличаются большей «интенсивной разработкой», и это позволяет иногда успешнее «раскрыть нити исторического процесса или основные мотивы действующих лиц, нежели картина жизни за целый период», «набросанная крупными мазками». В изучении источников и фактического материала ученый призывал использовать достижения западноевропейской историографии, «прочно укоренившиеся в научных трудах по античной жизни и средневековью», подразумевая методы школы Ранке [25. С. VII].

Структурно диссертация делилась на пять неравномерных по объему глав, в основу которых был положен хронологический принцип: 1. Происхождение оборонительного союза 1746 г.; 2. Между обороной и наступлением, 1747–55 гг.; 3. Вопрос о происхождении Семилетней войны (здесь, наряду с выяснениями причин войны, приведен подробный историографический обзор проблемы); 4. Происхождение наступательного Союза 1757 г.; 5. Падение канцлера графа А.П. Бестужева. В приложении был дан обзор источников и литературы, но не по всем проблемам, затрагиваемым в диссертации, а лишь по двум эпизодам (отступление С.Ф. Апраксина в 1757 г., битва при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 г.). Ощущение рыхлости и слабой структурированности работы усиливалось её перегруженностью фактическим материалом.

Обращение исследователя как к проблемам международных отношений, так и внешней (а в некоторых вопросах и внутренней) политики России отвечало известному пожеланию С.М. Соловьева, чтобы всеобщие историки брали себе темы исследований, соприкасающиеся с русской историей. Однако данная междисциплинарность диссертации Щепкина оказалась причиной конфликта в совете историко-филологического факультета Московского университета. К 1902 г., когда Щепкин наконец представил диссертацию в совет, лидирующее положение Герье на кафедре всеобщей истории пошатнулось. После отъезда в декабре 1901 г. за границу П.Г. Виноградова, старейшего в Московском университете ученика Герье, составлявшего ему успешную конкуренцию, но уважительно относившегося к учителю, на роль лидера кафедры стал претендовать Р.Ю. Виппер. Несмотря на то что он также являлся учеником Герье и был обязан ему своим переходом из Новороссийского в Московский университет, он пытался проводить самостоятельную политику, иногда противоречащую интересам учителя. В силу преклонного возраста Герье становится экстраординарным профессором, что дает ординарному (штатному) профессору Випперу и чисто формальные преимущества.

Именно в этот непростой момент Щепкин заканчивает свою диссертацию. Не дожидаясь окончания печатания всей книги, он на протяжении 1901 г. отправляет отдельные листы В.И. Герье, П.Г. Виноградову, В.О. Ключевскому и Р.Ю. Випперу. Обещание быть оппонентом на диспуте тут же дал Виноградов, но, как уже сказано, в декабре 1901 г. он уезжает из России. «Уже тогда мне стало ясно, что это может задержать мой диспут», – пишет Щепкин. Виппер отказался от оппонирования под предлогом того, что он «только что проверил две диссертации». Более того, он считал, что диссертация Щепкина относится не к всеобщей истории, а к международному праву [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 9]. В этой ситуации Щепкин обращается за помощью к Герье. Сетую на «некоторую своеобразность взглядов» Виппера на историю, он считает, что истинной причиной отказа является то, что Випперу «тяжело втягиваться в такую область истории, которая не была до сих пор для него предметом специального изучения». Щепкин полагал, что более разумным возражением Виппера было бы то, «что оппонентом должен быть представитель по кафедре русской истории» [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 9].

В подобной ситуации наиболее квалифицированным специалистом, по мнению Щепкина, являлся Герье, чья магистерская диссертация относилась к той же специальной области международных отношений XVIII в. «Если вы откажетесь, – писал Щепкин, – я буду искать другое место. Но не Киев и Санкт-Петербург». Кроме того, он просил Герье взять на себя посредничество в переговорах с В.О. Ключевским, чтобы склонить его выступить вторым оппонентом [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 9об. –10].

10 апреля 1902 г. печатание диссертации было завершено, и она была передана в совет факультета. Виппер в письме Щепкину отказался оппонировать диссертацию на это раз под предлогом, что ее тема относится к русской истории. Последний вновь обращается за посредничеством к Герье: «Лично меня он не доведет до отчаяния, так как считаю его неисправимым субъективистом. Я не думаю, чтобы принципиальное разногласие в понимании истории, то есть в сущности принадлежность к различным школам науки, могло служить основанием для отвержения диссертации» [1. К. 57. Ед.

хр. 9. Л. 5]. Щепкин считает требования Виппера к магистерской диссертации завышенными, а его отзыв субъективным и просит у Герье совета: «Если моя диссертация даже по ее завершении и на большинство членов факультета произвела впечатление работы не по всеобщей истории, то, конечно, мне остается только взять ее назад. Но желаю, глубокоуважаемый Владимир Иванович, откровенно услышать Ваше мнение, действительно ли диссертация эта не имеет шансов пройти через факультет» [1. К. 57. Ед. хр. 9. Л. 5об. –6].

После переговоров Герье с Виппером выяснилось, что Виппер не читал диссертации Щепкина и судил о ее содержании только по плану. Диссертант решил идти до конца и заявил: «По чувству долга перед другими магистрантами, перед Московским университетом и исторической наукой я не возьму своей книги назад, пока не получу официального отзыва факультета» [1. К. 57. Ед. хр. 9. Л. 8].

29 мая 1902 г. дело о диссертации Щепкина разбиралось на заседании совета факультета. Декан А.И. Кирпичников подробно описал его ход в письме к Щепкину. Р.Ю. Виппер, как и ожидалось, представил отрицательный официальный отзыв на диссертацию, но «выразил готовность взять его назад» в случае, если кто-либо другой даст положительный отзыв. Мнение Виппера никто из членов факультета не разделил. Однако пять профессоров сочли, что «до выслушивания другого письменного отзыва факультет должен воздержаться от окончательного суждения» [1. К. 46. Ед. хр. 56. Л. 1–1об.]. Факультет просил Герье взять на себя роль первого оппонента, но тот отказался, поскольку при наличии штатного профессора (Виппер) сверхштатный (Герье) не должен оппонировать диссертацию. Далее Кирпичников пишет: «Так как Ваша ученая честь здесь не задета (факультет признал Вашу диссертацию пригодною), то не лучше ли Вам вывести факультет из затруднительного положения и перенести дело в другой Университет» [1. К. 46. Ед. хр. 56. Л. 2].

Каковы могли быть мотивы отказа Герье на заседании 29 мая от оппонентства? Обида на Виппера, постепенно отбирающего у Герье лидерство на кафедре, воспоминание о неких разногласиях с Щепкиным?

Однако Щепкин ищет новые аргументы в переговорах с Герье. «Для меня важно, чтобы добросовестный и широкообразованный ученый с именем более авторитетным, нежели у Р.Ю. Виппера, высказал теперь в свою очередь мотивированный взгляд на мою работу, – пишет он Кирпичникову, – м[ожет] б[ыть] такой отзыв убедит и те пять голосов, которые сами желали его... Для меня теперь вопрос идет не то о научной компетентности, не то о служебной добросовестности самого проф. Р.Ю. Виппера, и я из отзыва проф. Герье желаю убедиться, действительно ли хоть для одного здравомыслящего, доброго, верного, не ослепленного самолюбием и личностями специалиста по всеобщей истории мог существовать самый вопрос о том, годится ли моя книга как *магистерская диссертация?*». В этом же письме он признается: «Единственный человек, совету которого я теперь нравственно обязан следовать, – это В.И. Герье» [1. К. 57. Ед. хр. 9. Л. 11–12].

В очередном письме к Герье Щепкин просит взять на себя оппонентство, так как «только такой исход гарантирует магистрантов на будущее время от некорректного отношения профессора Р.Ю. Виппера» [1. К. 57. Ед. хр. 9. Л. 9–10]. И в конце июня 1902 г. телеграммой в Одессу Герье дает свое согласие стать первым оппонентом [1. К. 57. Ед. хр. 9. Л. 13].

Однако диспут пришлось отсрочить, так как книга, представляемая в качестве диссертации, по правилам должна быть в свободной продаже в течение 4 месяцев. Затем в сентябре Щепкин был командирован в Санкт-Петербург для участия в комиссии при Министерстве народного просвещения по вопросам преобразования высших учебных заведений, где пробыл до декабря 1902 г. Щепкин в письмах подробно информировал Герье о ходе работы комиссии [1. К. 57. Ед. хр. 9. Л. 18–25].

20 января 1903 г. в Московском университете состоялась долгожданная защита магистерской диссертации Е.Н. Щепкина «Русско-Австрийский союз во время Семилетней войны 1746–1758». Официальными оппонентами выступили проф. В.И. Герье и приват-доцент М.М. Богословский. Неофициальные отзывы представили В.Е. Якушкин и П.Г. Виноградов.

Отзыв Герье сохранился в рукописи, написанной частично рукой профессора, частично – писарским почерком. В отзыве отмечается важность рассматриваемой проблемы как «для европейской истории, так и для истории русского двора и правительства», а также то, что этот «обширный вопрос с его разнообразными разветвлениями» решается на основе анализа архивных источников Копенгагенского и Венского архивов [1. К. 33. Ед. хр. 30. Л. 1]. «Особенный труд г. Щепкина, – пишет Герье, – можно сказать, особую книгу в его книге представляет критический обзор исторической литературы по вопросу о происхождении семилетней войны, вопросу, имеющему не только исторический, но

политический интерес». В этом, по мнению Герье, автор «является не только обстоятельным и рассудительным критиком, но и авторитетным специалистом, так как изучил в архивах значительную часть... неизданных материалов, на которые опираются заключения его предшественников». С помощью материала, добытого в архивах, автор подвергает критике мнение историков о причинах отступления гр. Апраксина, дает свою трактовку различных источников, например мемуаров Екатерины II [1. К. 33. Ед. хр. 30. Л. 2об.].

Герье полагает, что Щепкин своим исследованием заполняет те пробелы, касающиеся внешних отношений России, которые не заполнялись со времен работ С.М. Соловьева. «Такое пополнение и пересмотр относительно эпохи Семилетней войны нельзя не признать существенно важным, так как Соловьев, – пишет Герье, – основывал свой рассказ исключительно почти на данных русского архива иностранных дел, заключающих в себе односторонний материал инструкций русским послам и депеш». «Восстанавливая более равномерный ход в разработке вопросов русской истории, которую она направляет на внешние отношения, книга г. Щепкина имеет значение еще и потому, что вносит много нового и важного материала для исследуемой области явлений, если и не всегда ведущего к новым выводам, то, по крайней мере, прочнее и шире обосновывающего старые» [1. К. 33. Ед. хр. 30. Л. 3].

Герье отмечает талант «строгого до мелочности внимательного критического анализа» автора, «образцовый анализ дипломатических документов», «критический метод» относительно литературы вопроса [1. К. 33. Ед. хр. 30. Л. 3об.]. Вместе с тем Герье сетует на отсутствие цельности в книге, на нелогичное завершение обзора русско-австрийского союза 1758 г., что обрывает книгу «как бы на полуслове». Из-за «такой незавершенности исследования автор и не мог прийти к каким-либо широким обобщениям». По мнению оппонента, «насколько автор является мастером критического анализа настолько [“он не обнаруживает способности к” – зачеркнуто] синтетической обработке проверенных данных и ему гораздо более удаются отдельные критические этюды, чем широкие самостоятельные построения». Автор «не всегда достаточно ярко выделяет главное от второстепенного, посвящает тому и другому одинаковую долю внимания», что придает изложению, по словам Герье, «утомительный характер летописного повествования о запутанных ходах дипломатии, в микроскопически мелких деталях которого с величайшим трудом ориентируется читатель» [1. К. 33. Ед. хр. 30. Л. 3об.]. Герье отмечает «некоторое увлечение автора впервые пущенным им в оборот архивным материалом», «слабую архетонику книги». По его мнению, Щепкин слишком преувеличивает значение отставки канцлера А.П. Бестужева для «голландских отношений».

Однако в заключении Герье отмечает «существенный интерес» книги: она, «если бы была переведена по-немецки, заняла бы в Германии почетное место в ряду однородных исследований по международным отношениям в XVIII веке». Для русских читателей, по мнению оппонента, по «обилию нового исторического материала, в ней заключающегося, она представляет собою важный путеводитель в иностранной литературе о семилетней войне и в то же время новый вклад в историю России по вопросу о правительственной организации и об отношениях правительствующих лиц в эпоху императрицы Елизаветы» [1. К. 33. Ед. хр. 30. Л. 4].

Взвешенный, глубоко аргументированный отзыв Герье, не идеализируя работу Щепкина, выявлял в ней наиболее существенные достоинства. В целом именно позиция Герье в конфликте между Виппером и Щепкиным помогла разрешить сложную ситуацию с защитой диссертации. Не можем не привести еще один документ, свидетельствующий о высокой оценке В.И. Герье труда его ученика. Это черновик незаконченного письма ученого к профессору университета Св. Владимира (Киев), известному историографу В.С. Иконникову, с которым его связывали дружеские отношения, что определяло доверительный тон текста: «Я не мог с (Виппером) согласиться; (факультет) согласился со мной и просил меня дать нов[ый] отзыв, что я и сделал. Я находил, что книга заслуживала бы докт[орской] степени, т[ак] как на нее положено много труда, и она заключает в себе два труда (*зачеркнуто*) исслед[ования] одно по вс[еобщей] друг[ое] по р[усской (?)]. – Т.И., Г.М.]...» [1. К. 34. Ед. хр. 76. Л. 1]. Есть основание полагать, что Герье хотел «дать доктора» и Щепкину, как своим «старшим» ученикам М.С. Корелину и Р.Ю. Випперу.

В дальнейшем сотрудничество Герье и Щепкина продолжалось. Так, в 1903 г. Щепкин обращается к учителю с просьбой порекомендовать молодого историка для преподавания всеобщей истории в Новороссийском университете. Рассматриваются кандидатуры А.Н. Савина и С.А. Котляревского [1. К. 57. Ед. хр. 8. Л. 15–15об.]. В конце концов по рекомендации Герье в Новороссийский университет отправляется его ученик И.И. Иванов. «...Ученая деятельность Ив[ана] Ив[ановича], – по словам

Герье, – вращалась в смежной области всеобщ[ей] лит[ературы] и всеобщ[ей] истор[ии], и его можно считать представителем так наз[ываемой] культ[урной] истор[ии]» [1. К. 34. Ед. хр. 73. Л. 1–1об.].

В годы первой русской революции Щепкин, как и многие другие ученики Герье, примыкает к партии кадетов, подписывает Выборгское воззвание, что становится поводом для его отставки в Новороссийском университете. Его отношения с членом октябристской партии Герье, выступившим с критикой кадетской партии, практически прерываются. После Октябрьской революции Щепкин стал большевиком. В некрологах после его скоропостижной смерти в 1920 г. отмечается, прежде всего, его «служение рабочему классу и пролетарской революции», которое, по мнению Т.Н. Поповой, было его поисками идеала демократии [9. С. 473].

Так можно ли считать Е.Н. Щепкина «одним из самых близких учеников Герье»? В научном наследии этих ученых можно увидеть немало схожих сюжетов, начиная от тем их магистерских диссертаций, интереса к Л. Ранке, И. Тэню, к истории XVIII в. ... Щепкин, как и Герье, был сторонником идеалистического толкования исторического процесса. К.П. Добролюбский дает следующую характеристику основных черт Щепкина как историка-исследователя и историка-профессора: «Мастерство методов исследования, тонкая критика источников, переоценка значения человеческой воли и увлечение крайностями психологической школы, углубление в старые спорные вопросы, преобладание интереса к всеобщей политической истории, прагматизм при построениях и обилие фактов при изложении...» [3]. Генетическое родство исследовательского почерка Щепкина периода написания магистерской диссертации с чертами творчества учителя нельзя не видеть. Однако следует признать значительную степень самостоятельности Е.Н. Щепкина и в выборе научной тематики, и в поиске своего пути в педагогической и общественной деятельности, что сопровождалось существенной эволюцией его методологических позиций – от увлечения в молодые годы ранкеанством к марксизму. Вполне закономерно, что его голос достаточно заметен – это ясно показал А.Н. Нечухрин [7. С. 105, 193–197, 241, 242] – среди той группы всеобщих историков, которые в начале 1900-х гг. ощутили и констатировали кризис историзма XIX в., включились в поиск новых теоретико-методологических основ. Но не только. Е.Н. Щепкин был и среди тех, кто в условиях нарастания революционных процессов, продолжая оставаться, по определению К.П. Добролюбского, «интересным и увлекательным профессором, тщательно подготовленным к каждой лекции», активно вошел в общественную и политическую жизнь России, кто относился к научной деятельности прагматически, что и объясняет его активное вхождение в политическую жизнь России в начале XX столетия.

В последующей судьбе учителя и ученика есть нечто общее: их научное наследие оценивалось сквозь призму их политической позиции. Но октябрист Герье был гоним в советской науке, а большевик Щепкин – в эпоху ниспровержения коммунистических кумиров. Данное исследование станет шагом на пути объективного изучения роли этих ученых в российской науке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 70. Герье Владимир Иванович.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 889. Ардашевы.
3. *Добролюбский К.П.* Е.Н. Щепкин как историк (1860–1920) // Памяти проф. Евгения Николаевича Щепкина (13.V.1860 – 12.XI.1920). Одесса, 1927.
4. *Иванова Т.Н.* Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века). Чебоксары, 2010.
5. История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М., 2008.
6. *Максименко И.В., Попова Т.Н.* Евгений Николаевич Щепкин: известные и неизвестные грани личности // Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920). Библиографический указатель. Одесса, 1998.
7. *Нечухрин А.Н.* Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в.– 1917 г.). Гродно, 2003.
8. *Письма П.Г. Виноградова к В.И. Герье из Германии (1875–1876 гг.).* Публ. и комментарии А.В. Антощенко // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 118–151.
9. *Попова Т.Н.* Историография в лицах, проблемах и дисциплинах: из истории Новороссийского университета. Одесса, 2007.
10. *Тэн И.* Тит Ливий. Критическое исследование / пер. с фр. А. Иванова и Е. Щепкина. М., 1885.
11. *Цыганков Д.А.* В.И. Герье и Московский университет его эпохи (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2008.

12. *Цыганков Д.А.* Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010.
13. *Щепкин Е.Н.* Автобиография Л. Ранке // Русская мысль. 1893. Кн. 8. С. 149–169; 1894. Кн. 1. С. 63–85; Кн. 2. С. 41–52.
14. *Щепкин Е.Н.* Wer war Pseudodemetrius I? (Beiträge zur Quellenkunde und Quellenkritik des Jahres 1605) // Archiv für SL. Phil. 1899. Bd. 21. S. 99–169, 538–606.
15. *Щепкин Е.Н.* Ассизы Иерусалимского королевства // Энцикл. словарь / под ред. Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890. Т. 3. С. 322, 323.
16. *Щепкин Е.Н.* Афинские партии в эпоху Македонского завоевания: Краткое изложение пробной лекции по всеобщей истории, чит. магистрантом Московского университета Е.Н. Щепкиным в 1892 г. // Историческое обозрение. 1892. Т. 5, отд. 1. С. 227–229.
17. *Щепкин Е.Н.* Древнеисламская сага Гюнлейг Змеиный Язык. Одесса, 1905.
18. *Щепкин Е.Н.* Иерусалимские ассизы: Краткое изложение пробной лекции по всеобщей истории, читанной магистрантом Московского университета Е.Н. Щепкиным в 1892 г. // Историческое обозрение. 1892. Т. 5, отд. 1. С. 229–231.
19. *Щепкин Е.Н.* Максимальная схема средневековой и новой истории Англии в курсе среднего учебного заведения // Историческое обозрение. СПб., 1896. Т. 6.
20. *Щепкин Е.Н.* Оценка материалов по истории Лже-Дмитрия, найденных в Копенгагенском архиве // Сборник материалов по русской истории начала XVII века / пер., введ. и примеч. И.М. Болдакова. СПб., 1896. С. 129–152.
21. *Щепкин Е.Н.* Порядок престолонаследия у древноревских конунгов // Сборник в честь В.О. Ключевского. М., 1909.
22. *Щепкин Е.Н.* Преподавание истории в Англии // Историческое обозрение. 1894. Т. 5.
23. *Щепкин Е.Н.* Постановка преподавания всеобщей истории в Венском университете: из отчета о командировке в лет. семестр. 1896 // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1898. Ч. 315. Февр. Отд. 4. С. 128–137.
24. *Щепкин Е.Н.* Русско-Австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758 гг. // ЖМНП. 1897. Ч. 312. С. 243–301; 1899. Ч. 326. С. 253–270; 1900. Ч. 327. С. 88–114; Ч. 328. С. 347–279; Ч. 330. С. 79–104; Ч. 331. С. 22–57; Ч. 332. С. 1–63.
25. *Щепкин Е.Н.* Русско-Австрийский союз во время Семилетней войны, 1746–1758: Исследование по данным Венского и Копенгагенского архивов. СПб., 1902.
26. *Щепкин Е.Н.* Скандинавский обряд погребения с кораблем // ЖМНП. 1894. Ч. 295, отд. 2. С. 38–61.

Поступила в редакцию 07.12.10

T.N. Ivanova, G.P. Myagkov

In the center of «rehabilitation of attention»: E.N. Shchepkin and V.I. Gerye

The scientific biography of E.N.Shchepkin is widely reconstructed. The special attention is paid to his activity in the context of development of «school of Gerye».

Keywords: E.N. Shchepkin, V.I. Gerye, «school of Gerye», Moscow University, University of Novorossiysk, scientific heritage.

Иванова Татьяна Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент
Мягков Герман Пантелеймонович,
доктор исторических наук, профессор

Ivanova T.N.,
candidate of history, associated professor
Myagkov G.P.,
doctor of history, professor

Казанский (Приволжский) федеральный университет
426008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18
E-mail: gmyagkov@yandex.ru

Kazan (Privolzhsky) Federal University
4260068, Russia, Kazan, Kremlyovskaya str, 18
E-mail: gmyagkov@yandex.ru